
М. КАЛИНИН

О МОРАЛЬНОМ
ОБЛИКЕ
НАШЕГО НАРОДА

ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ
1945

М. КАЛИНИН

О МОРАЛЬНОМ ОБЛИКЕ НАШЕГО НАРОДА

Мораль, или этика, существует с начала образования человеческого общества и определяется в конечном счёте его экономическим развитием, — разумеется, не автоматически, а с отставанием, как и всякая идеологическая надстройка, вроде права, религии и т. д. На заре человеческого общества мораль выростала из бытовых условий, складываясь практически в определённые нормы поведения людей. Нормы эти, конечно, не записывались ни в какие юридические кодексы — в те времена и письменности ещё не существовало; но для людей того времени они были, пожалуй, не менее обязательны, чем для нас юридические статьи современных писанных законов. Отношения к общине, роду, семье, отношения мужчины к женщине и женщины к мужчине, бытовые отношения закреплялись, превращались в общепринятые психологические установки, в общественную мораль.

С разделением человеческого общества на классы, с появлением государства, естественно, и мораль становится классовой, делается сильным оружием в руках господствующих классов для закрепощения подчинённых масс. О капиталистическом обществе Энгельс писал, что там имеется, по меньшей мере, три вида морали: «феодальной аристократии, буржуазии и пролетариата». «А так как общество до сих пор развивалось в классовых противоречиях, то и мораль была всегда классовой моралью; она или оправдывала господство и интересы господствующего класса или же отражала возмущение угнетённого, но достаточно окрепшего уже класса против этого господства и защищала будущие интересы угнетённых»¹.

Господствующие классы в каждую эпоху — рабовладельческую, феодальную, капиталистическую — стремились замаскировать своё господство и выдать свои узкоклассовые

¹ Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг», изд. 1934, стр. 66.

интересы за общенародные. Свою мораль эксплуататоров они преподносили в форме общечеловеческой морали, возводили её в ранг вечной истины, покоящейся на основах, стоящих вне человеческого общества, независимых от человека и данного общественно-экономического уклада, а как бы исходящих от бога.

Шли времена, гибли старые общественно-экономические формации, на их месте возникали новые. Вопросы нравственности, морали стали одним из отделов философской науки. Философы-метафизики и схоластики, трудясь над этими щекотливыми вопросами, оправдывали существующее положение нравственными законами, исходящими из трансцендентных, то есть непостижимых умом человека, понятий. Это не значит, что многовековая работа метафизиков и схоластиков не имела положительных результатов для развития человеческого знания и логики мышления. Но в общем все они стремились к одной цели — заставить мораль служить интересам господствующих классов, оправдать угнетение меньшинством эксплуататоров большинства эксплуатируемых, признать нравственным именно такое положение.

Западноевропейская художественная литература, в целом служа интересам капиталистического общества, всё же дала замечательные произведения, бичующие капитализм. Например у одного из лучших знатоков буржуазного общества — Бальзака — в его романе «Отец Горио» виконтесса Босеан внушает студенту Растиньяку: «Чем хладнокровнее вы будете рассчитывать, тем дальше подвинетесь вперёд. Разите, не давая пощады, вас будут бояться. Смотрите на мужчин и женщин, как на перекладных лошадей, которым вы предоставите издыхать на очередной станции... Но если вас захватит истинное чувство, прячьте его, как сокровище; пусть никто не догадывается о нём, иначе вы погибнете. Из палача вы превратитесь в жертву».

В России, как везде и всюду, с развитием общества менялись и моральные установки. Мораль господствующего класса в царской России покоилась на трёх китах, трёх устоях царского режима — «самодержавие, православие и порядок». То были три принципа наиболее реакционных слоёв населения: дворян-помещиков, военной касты, чиновной верхушки и царского дома со всей его челядью — так называемого «высшего света», объединивших и возглавлявших все реакционные силы. Все усилия этого господствующего класса были основаны на том, чтобы сохранить свои привилегии и держать в повиновении народ. Между прочим сама аристократия не так уж высоко оценивала моральное значение лич-

ности царя, что, однако, не мешало ей вести широкую агитацию в народе, что царь-де помазанник божий, что его власть есть соизволение божие и что поэтому все его решения справедливы и непогрешимы.

Впротивовес узкоэгоистической морали дворянско-монархической верхушки зарождались основы новой морали: ненависть к эксплуататорам, любовь к народу, любовь к родине. Лучшие люди России отдавали все свои силы, самую жизнь, чтобы помочь крестьянам освободиться от крепостной зависимости. Восстания Степана Разина, Емельяна Пугачёва заставляли задумываться наиболее просвещённые умы дворянского класса, побуждали их к критической оценке положения крестьянства и произвола помещиков.

Литература XVIII века в России дала первые ростки революционной морали, отчасти под влиянием французских просветителей. Наиболее яркий представитель этой литературы — Радищев — в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» подверг уничтожающей критике крепостное право. Ярко изображая постыдные картины крепостного быта (продажу крестьянских семей оптом и в розницу, сдачу в рекруты, издевательство и насильничанье господ над своими рабами), Радищев негодуяще клеймил крепостничество, его жестокость, оправдывал законность любых действий крестьян, отстаивавших своё право на звание человека. Он взывал к разуму своих современников:

«Земледельцы и доднесь между нами рабы; мы в них не познаём сограждан нам равных, забыли в них человека. О возлюбленные наши сограждане! о истинные сыны отечества! возрите окрест вас, и познайте заблуждение ваше...

Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! кормилец нашей тошеты, насытител нашего глада; тот кто даёт нам здравие, кто житие наше продолжает, неимея права распоряжати ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит...

Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания, и частью в законе мертвы, назваться блаженными? Можно ли назвать блаженным, гражданское положение крестьянина в России? Ненасытец кровей один скажет, что он блажен, ибо неимеет понятия о лучшем состоянии...

Назовём блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи неимеют надёжного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова. О дабы опустети паки обильным сим странам!...»¹

¹ А. Н. Радищев, Собр. соч., т. I; изд. 1938, стр. 313, 314, 315, 317.

Мысли Радищева о воспитании и по сей день могут считаться прогрессивными.

Мораль охватывает очень широкий диапазон чувств и для выявления их перед обществом нуждается в развитом языке. Великий русский учёный Ломоносов много потрудился над созданием русского языка, что способствовало восприятию новых идей его времени русским обществом.

«Язык, — говорил Ломоносов, — которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает». Он видел в русском языке «великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италийанского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Художественная литература первой половины XIX века значительно двинула вперёд развитие политической мысли русского общества, познание своего народа.

Сильнейший толчок развитию и углублению революционной морали, охватившей уже более значительные массы тогдашнего общества, дали Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов. Они будили человеческую совесть, заставляли людей задумываться над жизнью, над тем, что можно сделать в ней полезного. Вряд ли кто-либо ещё в истории русской литературы и публицистики так властвовал над умами людей и столь действенно поднимал их гражданское самосознание, толкая на борьбу с самодержавием, за демократическую революцию, как Белинский, Чернышевский, Добролюбов. Да и личная жизнь их, целиком посвящённая развитию русской демократии, была окружена в глазах прогрессивного общества ореолом высокой морали.

Белинский писал: «Нельзя не любить отечество... только надобно, чтобы эта любовь была не мёртвым довольством тем, что есть, но живым желанием усовершенствования; словом, любовь к отечеству должна быть вместе и любовью к человечеству... Любить свою родину значит — пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и, по мере сил своих, споспешествовать этому».

Некрасов своими произведениями в каждом честном человеке возбуждал ненависть к рабовладельцам, любовь к народу, призывал к борьбе:

«Иди в огонь за честь отчизны,
За убеждение, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь».

Его крик души — «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» — невольно будил в широких кругах русского общества лучшие гражданские чувства, сознание моральной ответственности перед страной, перед своим народом.

* *
*

Основным содержанием марксистской морали до Октябрьской революции была «критика буржуазии, развитие в массах ненависти к ней, развитие классового сознания, умение сплотить свои силы»¹. В среду рабочего класса и трудящихся новая мораль внедрялась как бы двумя встречными путями: с одной стороны, путём пропаганды, которую вели интеллигенты-марксисты; с другой стороны, развивающийся капитализм сам своей жестокой эксплуатацией труда толкал рабочих на сопротивление. Поэтому сознание общности интересов людей труда, призывы к международной солидарности были легко воспринимаемы рабочими. Пролетарская мораль формировалась в самом рабочем обиходе — на заводах, фабриках, в мастерских. Марксистская пропаганда лишь расширяла горизонт понимания пролетарской этики.

Рабочие считали, например, справедливым возмездием избивать штрейкбрехеров, шпионов, фискалов, свирепых мастеров, снижающих расценки. Солидарность между рабочими, особенно во время конфликтов с предпринимателями, сознавалась если не всеми, то по крайней мере огромным большинством. Разумеется, это не значит, что рабочие всегда действовали солидарно. Помимо платных шпионов администрации, её агентов, находились среди рабочих выскочки, которые стремились пролезть в мастера, занять административную должность и поэтому держались особняком.

Каждая забастовка, каждый более или менее значительный конфликт на предприятии влекли за собой репрессии: увольнение так называемых зачинщиков, занесение в чёрный список, аресты. Рабочие собирали деньги в пользу пострадавших, всем чем могли помогали им. Даже некоторые мастера участвовали в подписке, иногда и содействовали устройству уволенных на другие заводы. Это считалось в рабочей среде моральной обязанностью.

Но всё это на первых порах носило неорганизованный характер. И только с дальнейшим развитием революционного

---

¹ Ленин, Соч., т. XXX, стр. 409.

движения, с пробуждением классового самосознания пролетариата, с превращением его из класса в себе в класс для себя, складывались такие нравственные качества, как честность перед своим классом, дисциплинированность, взаимная поддержка, самоотверженность в борьбе и организованность. Эти черты нравственного облика пролетариата легли в основу нарождающейся социалистической морали, которая в условиях капитализма противопоставлялась буржуазной морали с её жестокими, хищными принципами: «Человек человеку — волк», «Каждый за себя, один бог за всех», «Стремись выйти в люди» и т. п.

Удивительно облагораживающий элемент внесла пропаганда нашей партии в рабочую среду. Можно смело сказать, что именно с распространением марксистской пропаганды и агитации, с организацией подпольных кружков стала формироваться в России рабочая интеллигенция. Пропагандисты и организаторы сплотили рабочую среду в компактную, организованную силу; они прививали революционную пролетарскую мораль, которая проникала в рабочую массу значительно глубже, чем это казалось с внешней стороны. Революционная мораль захватывала не только область общественных отношений, но и быт рабочего класса.

К чести нашей дореволюционной интеллигенции надо сказать, что из её среды с давних пор выходили талантливые мыслители, художники, литераторы и страстные борцы за народное благо. Вслед за блестящей плеядой революционных народников их место по праву заняли марксисты. Кто не знает страстной борьбы в политической литературе девяностых и девятисотых годов между народничеством и марксизмом, споров о путях развития русской экономики, революционной мысли? Принципиальность этой борьбы обуславливалась предреволюционной действительностью: забастовки и демонстрации в городах как бы соревновались с крестьянскими восстаниями и поджогами помещичьих усадеб в Харьковской, Полтавской и других губерниях.

В этой борьбе против самодержавия и буржуазно-помещичьих порядков формировалась марксистская революционная мысль, создавалась из разрозненных рабочих кружков социал-демократическая партия, которая в 1903 году, после раскола с меньшевиками на II съезде, получила название социал-демократической рабочей партии (большевиков). Партия большевиков, а с ней и рабочий класс, под руководством Ленина и Сталина, твёрдо стали на марксистско-революционный путь борьбы за интересы рабочего класса. В рабочей среде росли и крепили идеи революционного мар-

ксизма, всё глубже пускала корни ленинская мысль об общности интересов рабочих и крестьянских масс в борьбе с царизмом, о необходимости вооружённого восстания.

Революция 1905 года, несмотря на её ограниченный результат и временное поражение рабочего класса, всё же значительно подняла классовое самосознание не только рабочих, но и крестьян, обогатила их революционным опытом борьбы под руководством нашей партии. Народ на практике увидел возможность защиты своих интересов с оружием в руках; это, разумеется, не могло не отложиться в умах людей, не отразиться на их морально-политических чувствах и настроениях.

Если, например, в среде буржуазной интеллигенции, в мещанстве, в вершущихся слоях рабочих, примыкавших к меньшевикам, в результате поражения революции шло резкое падение революционного настроения, пелись похоронные песни революции, проповедывался так называемый «законный» эгоизм личности, то наша партия была единственной партией, которая наперекор мелкобуржуазной стихии не только не опускала знамя революционной борьбы, но и укрепляла свои ряды, вела беспощадную борьбу со всякими проявлениями оппортунизма, очищаясь от попутчиков. Эта работа, львиная доля которой падает на Ленина и Сталина, скоро принесла свои плоды.

Февральская буржуазно-демократическая революция под влиянием нашей партии переросла в Великую Октябрьскую социалистическую революцию, завершившуюся полной победой пролетариата и беднейшего крестьянства над старым укладом царской России, над капитализмом. Воистину был переи́дён рубикон; началась новая жизнь. Народ пошёл по новым, ещё никем не исследованным путям. Он поставил перед собой великую цель — перестроить свою жизнь на новых, социалистических началах, без эксплуатации человека человеком. Для этого потребовалась коренная ломка старых общественных отношений, а стало быть, должен был измениться и моральный облик человека.

И это естественно, ибо перестройка на новых социально-экономических началах России, страны, где так причудливо переплетались различные уклады производственной и общественной жизни, потребовала от нашей партии, от её руководства огромного напряжения интеллектуальных сил, многолетней агитационной и пропагандистской работы, для того чтобы культивировать в массах коммунистическую нравственность. Маркс и Энгельс писали: «Как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для

достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в *революции*; следовательно, революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может избавиться от всей старой мерзости и стать способным создать новое общество»¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция подняла мораль всех народов России на ступень выше. Она стала самой высокой моралью в человеческом обществе. Здесь нет преувеличения; это лишь объективный вывод из существующей действительности. Разумеется, это не значило, что люди в одно прекрасное утро проснулись осенённые внезапной благодатью — новой, социалистической нравственностью. Ещё Маркс указывал, что сознание людей отстаёт от экономического развития, что нельзя поэтому одним только революционным переворотом сразу уничтожить все пережитки капитализма.

Величие марксистского учения в том и заключается, что Маркс открыл в буржуазном обществе рабочий класс как единственную силу, которая способна преобразовать жизнь.

Ленин писал, что марксизм тем и отличается «от старого утопического социализма, что последний хотел строить новое общество не из тех массовых представителей человеческого материала, которые создаются кровавым, грязным, грабительским, лавочническим, капитализмом, а из разведённых в особых парниках и теплицах особо добродетельных людей. Эта смешная мысль теперь всем смешна и всеми оставлена, но не все хотят или умеют продумать обратное учение марксизма, продумать, как это можно (и должно) строить коммунизм из массового человеческого материала, испорченного веками и тысячелетиями рабства, крепостничества, капитализма, мелкого раздробленного хозяйничанья, войной всех против всех из-за местечка на рынке, из-за более высокой цены за продукт или за труд»².

И действительно, нелегко давалось массам восприятие новой, социалистической морали. Не говоря уже о свергнутых классах, победа пролетариата и беднейшего крестьянства вначале была встречена в штыки даже большинством интеллигенции. Да и сам рабочий класс и в особенности крестьянство не могли сразу отрешиться от привычек, нравов и обычаев, привитых веками хозяйничанья помещиков и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 60.

² Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 458.

буржуазии. Не всякий рабочий понимал, что, живя в капиталистическом обществе, он был бездомным пролетарием, по существу не имел отечества и родина ему была мачехой; что лишь после Октябрьской революции он из обездоленного пролетария превратился в гражданина великой страны, в равноправного члена многомиллионного коллектива строителей социалистического государства, стал совладельцем всех богатств страны, имеющихя в наличности и потенциале.

Любовь к труду является одним из главных элементов коммунистической нравственности. Но только с победой рабочего класса труд — это неизбежное условие человеческой жизни — перестаёт быть тяжёлым и зазорным бременем и становится делом чести и героизма.

В дореволюционное время мне пришлось участвовать в одном рабочем собрании, где шёл спор о том, как относиться к своей работе в мастерской. Одни считали, что, поскольку мы работаем на капиталистов, незачем особенно стараться; достаточно лишь выполнять минимум требований хозяина или мастера. Другие возражали: их профессиональная честь не может мириться с тем, чтобы из их рук выходили посредственные изделия; отличное качество работы даёт моральное удовлетворение.

Конечно, спор этот носил чисто теоретический характер. Каждый понимал, что мастер или хозяин будет требовать высокого качества работы и очень внимательно следить за этим. Но разве после победы социалистической революции мог хотя бы теоретически подниматься такой вопрос? Наоборот, всеобщая пролетарская мораль безоговорочно требовала, чтобы выпускались изделия только отличного качества.

В деревне, разумеется, значительно труднее шло восприятие социалистической морали. И это естественно. Там глубже укоренились частнособственнические привычки; там были существенные различия в форме владения землёй, в её обработке. В одних местностях преобладало общинное землевладение, в других — подворное, хуторское хозяйство. Местные общественные и бытовые стороны жизни вносили существенную разницу в моральный облик этих слоёв крестьянства.

И когда встал на повестку дня коренной крестьянский вопрос — коллективизация, — трудности для многих казались непреодолимыми. Крестьянину нелегко было пуститься в неизвестный путь колхозного хозяйства, начинать с обобществления производственного имущества. Не говоря о бедноте, но и средний крестьянин имел немного имущества: лошадь

с упряжью, примитивный инвентарь для пахоты — плуг, борону. Однако многим тогда казалось, что сдаваемое им в колхоз имущество больше, чем у других, что он больше вносит в колхозный труд, чем сосед. Надо учесть и то, что во всякой, даже маленькой деревне имелся кулак или человек с кулацким уклоном, и эти люди иногда открыто, но чаще исподтишка вели жестокую борьбу с коллективизацией, всеми способами старались разложить колхозное крестьянство, клеветали на передовую, активную часть колхозников.

Колхозный строй победил в нашей стране благодаря авторитету советской власти, авторитету партии и товарища Сталина. Крестьянство было уверено, что советское правительство, партия добиваются действительного улучшения крестьянской жизни. Крестьяне-колхозники приобщились к социалистическому строю, стали его активными строителями. Вместе с изменением экономической основы крестьянского хозяйства в сторону социализма, постепенно начали изменяться и психология крестьянства, его отношение к государству, к общественной, социалистической собственности, к труду, взаимоотношения друг с другом. Словом, социалистическая мораль в крестьянстве обрела благодарную почву для своего развития.

У нас, в СССР, труд и в городе и в деревне — от самого простого до квалифицированного — приобрёл глубокое содержание, одухотворился великой идеей социализма, стал тем творческим началом, которое обновляет людей, воспитывает их в духе коммунистической нравственности. «Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжёлый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достаемых не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т.е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединённых сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз Советских республик»¹.

Это широко известное ленинское положение как нельзя лучше говорит о глубочайшем перевороте во взглядах людей на труд после победы пролетариата. И мы можем теперь с полным правом сказать, что социалистический труд в нашей стране, социалистическое соревнование, стахановское движение стали незыблемыми принципами коммунистической морали, нормами поведения советского человека.

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 342.

22 июня 1941 года германская армия без объявления войны вторглась на советскую территорию.

Двадцать четыре года весь наш народ работал не покладая рук. Вместе с этим он непрерывно, напрягая все силы и способности, учился, учился и учился. В борьбе за развитие промышленности, сельского хозяйства, в едином упорном стремлении поднять общую культуру, науку, технику, искусство сблизилась, сроднились все народы Советского Союза.

Великолепно выражено это в обращении узбекского народа к бойцам-узбекам:

«Твой народ является детищем Советского Союза. Русский, украинец, белорус, азербайджанец, грузин, армянин, таджик, туркмен, казах и киргиз совместно с тобою в течение 25 лет днём и ночью строили наш большой дом, нашу страну, нашу культуру...

Теперь же в дом твоего старшего брата — русского, в дом твоих братьев — белоруса и украинца — ворвался германский басмач. Он несёт коричневую чуму, виселицу и кнут, голод и смерть. Но дом русского — также и твой дом!.. Ибо Советский Союз — дружная семья, где каждый живёт хотя и в своём доме, но двор и хозяйство едины и неделимы».

Говорят: для того, чтобы с успехом бороться с врагом, надо его знать. Немецкие фашисты не скрывали своих принципов, целей и тот «моральный» облик человека, который рисовался в их идеале.

Гитлер говорил: «Мы должны подчиняться только нашим инстинктам. Вернёмся к детству, станем снова наивными... Нас предадут анафеме... как врагов мысли. Ну что же, мы ими являемся... Я благодарю судьбу за то, что она лишила меня научного образования. Я могу быть свободным от многочисленных предрассудков. Я себя чувствую хорошо... Мы вырастим молодёжь, перед которой содрогнётся мир: молодёжь резкую, требовательную и жестокую... Я хочу, чтобы она походила на молодых диких зверей».

В беседе с Раушнинггом Гитлер совсем распоясался: «Перед нами встанет обязанность уменьшить чуждое население... Нужно разработать технику сокращения чуждого населения. Кто может оспаривать моё право уничтожить миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как насекомые... Надо прежде всего добиться уменьшения числа славянского населения. Для белой северной расы великую опасность представляет огромное плодородие славянских и восточных народов. Нужно, чтобы иерархия господ поработила массу рабов».

Немцы, полные уверенности в победе над всем миром, думали безнаказанно издеваться над человечеством и безнаказанно уничтожать миллионы людей в угоду «германской белокурой бестии».

Немецкое командование, руководствуясь этими «принципами», применяет и соответствующие методы в ведении войны. В обращении немецкого командования к своим солдатам, напечатанном в виде «памятки», говорится:

«Помни и выполняй:

1) Утром, днём, ночью, всегда думай о фюрере, пусть другие мысли не тревожат тебя, знай: он думает и делает за тебя. Ты должен только действовать, ничего не бояться, ты, немецкий солдат, неуязвим. Ни одна пуля, ни один штык не коснётся тебя. Нет нервов, сердца, жалости — ты сделан из немецкого железа. После войны ты опять обретёшь новую душу, ясное сердце — для детей твоих, для великой Германии. А сейчас действуй решительно, без колебаний.

2) У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание — убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, — убивай, этим ты спасёшь себя от гибели, обеспечишь будущее твоей семьи и прославишься навеки.

3) Ни одна мировая сила не устоит перед германским напором. Мы поставим на колени весь мир. Германец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки. Ты германец, как подобает германцу, уничтожай всё живое, сопротивляющееся на твоём пути, думай всегда о возвышенном, о фюрере, ты победишь. Тебя не возьмёт ни пуля, ни штык. Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир».

Можно привести в качестве примеров тысячи писем немецких солдат и офицеров, их записи в дневниках. Все они похожи один на другой, все характеризуют немца, как стяжателя-тряпичника, тупого исполнителя самых кровавых заданий, начинённого самодовольным чванством невежду, вообразившего, что он принадлежит к «высшей расе».

И вот эта армия, напичканная фашистскими сумасбродными идеями «расовой исключительности», «геополитики», что уж само по себе исключает общечеловеческую мораль, ринулась на восток, предвкушая лёгкую победу.

Надо сказать, что немецкое командование не только по своей самоуверенности считало обеспеченной победу над СССР. Это убеждение до известной степени подогревалось и непрерывной многолетней клеветой враждебной СССР зарубежной прессы, которая опорачивала все наши достижения и особенно

упорно твердила о низком морально-политическом уровне советского народа. Поэтому в начале войны военные специалисты за границей один перед другим высчитывали сроки окончательного поражения Советского Союза. Весь мир знает теперь, как жестоко просчитались все эти «специалисты».

Наш народ даже в самое трудное время был уверен в своей окончательной победе над Германией. Эта уверенность покоилась на наших материальных возможностях, на том, что народ, двадцать четыре года работавший над созданием социалистического государства, не может быть побеждён, пока в его руках имеется оружие.

Война действительно явилась самым строгим экзаменом прочности государства, его экономической мощи, правильности политического руководства и устойчивости морально-политического состояния народа. Именно моральное превосходство нашей армии над немецко-фашистской армией стало одним из важнейших факторов, обеспечивших нам победу. Это ясно видно теперь, когда немецко-фашистские орды, основательно побитые и изгнанные из пределов нашей родины, стоят на краю поражения.

Фашисты, придя к власти, провозгласили: «Пусть нас называют варварами, мы не хотим культуры» — и сразу сожгли 20 миллионов книг.

У нас делу культурной революции партия придавала огромное значение.

Не говоря о повседневной заботе партии и правительства о развитии промышленности, сельского хозяйства, об организации и вооружении современной армии, трудно подсчитать, сколько вложено партией и советской властью труда в развитие культуры, в просвещение народных масс. Иностранцы наблюдатели, за редкими исключениями, при оценке уровня культуры и знаний в Советском Союзе исходят из дореволюционного времени, если же и принимают во внимание повышение этого уровня за годы советской власти, то соизмеряют его с ростом культуры в буржуазных странах. А ведь достаточно привести несколько показателей развития культурных учреждений в нашей стране, чтобы убедиться в его необычайном размахе.

Уже в 1938—1939 годах СССР стоял на первом месте в мире по числу учащихся в общеобразовательных школах и имел в 1,2 раза больше учащихся в этих школах, чем в Великобритании, Германии, Франции, Италии, вместе взятых, и в 1,4 раза больше студентов, чем в тех же странах плюс Япония. В одном только Ленинграде до войны было больше студентов, чем во всей фашистской Германии.

К началу 1939 года в СССР насчитывалось 240 765 библиотек с общим количеством 442 миллиона 203,8 тысячи книг. По сравнению с 1914 годом число массовых библиотек в Советском Союзе увеличилось в 6,2 раза. Одна только Государственная публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина имеет в 3,2 раза больше книг, чем Прусская государственная библиотека в Берлине.

Наша социалистическая культура зиждется на принципе, сформулированном Лениным: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации».

И советская власть не жалела средств, чтобы сделать общенародным достоянием всё лучшее, что создано человеческим разумом. Тиражом в десятки и сотни тысяч выпускались сочинения Демокрита, Аристотеля, Декарта, Спинозы, Вольтера, Дидро, Гельвеция, Гольбаха, Фейербаха, Радищева, Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Ньютона, Дарвина, Эйнштейна, Ломоносова, Менделеева, Сеченова, Мечникова, Тимирязева, Павлова. Миллионными тиражами издавались такие классики мировой литературы, как Байрон, Бальзак, Гейне, Гёте, Гюго, Диккенс, Золя, Мопассан, Ромэн Роллан, Сервантес, А. Франс, Шекспир, Шиллер.

Тиражи произведений классиков русской художественной литературы — Пушкина, Гоголя, Грибоедова, Лермонтова, Герцена, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Чехова, Горького, Маяковского — достигли уже десятков миллионов. Русский народ познакомился с классиками литературы других народов СССР — Шевченко, Ахундовым, Руставели, Ованес Туманяном, Шолом Алейхемом. Другие народы СССР приобщились к сокровищнице русской и мировой литературы. Вот характерные цифры:

		До			После
		революции			революции
Произведения		издавались на	9 языках	на 66 языках	и
»	Пушкина	»	»	»	»
»	Лермонтова	»	»	»	»
»	Л. Толстого	»	»	»	»
»	Некрасова	»	»	»	»
»	Салтыкова-Щедрина	»	»	»	»
»	Чехова	»	»	»	»
»	Гёте	»	»	»	»
»	Р. Роллана	»	»	»	»

При советском строе получили широкое распространение произведения народных певцов, поэтов, сказителей: Джамбула, Токтогула Сатылганова, Сулеймана Стальского, Гамзата Цадасы, Феклы Беззубовой, Марфы Крюковой.

Наш театр по праву занимает ведущее место не только в советской, но и в мировой культуре. Он, как и Советский Союз, по своему характеру многонационален. Если до революции у многих наших национальностей театральное искусство было лишь в зачаточном состоянии, то при советском строе оно получило всестороннее развитие и заняло почётное место в национальной культуре. Так, в Армении, Туркменистане, Таджикистане, Киргизии раньше не было профессиональных театров; теперь Армения имеет 27 театров, Таджикистан — 23, Киргизия — 21, Туркмения — 11. На Украине до революции было 35 театров, а к 1940 году — уже 125; в Грузии было 3 театра, теперь — 49, в Узбекистане был 1 театр, теперь — 49.

Даже самые маленькие национальности, которые в царское время не имели своей письменности, теперь имеют по несколько своих театров, на базе которых развивается их национальное искусство.

Огромное развитие получили в Советском Союзе клубные учреждения, кино, музеи. К началу 1939 года было уже свыше 100 тысяч клубов, в том числе 41 тысяча колхозных клубов. Число киноустановок в СССР в 1939 году по сравнению с 1915 годом увеличилось в 21,9 раза. Вообще кино, как один из самых популярных в народных массах видов искусства, развилось только при советском строе.

До начала этой войны у нас насчитывалось 794 музея, тогда как в дореволюционное время их было едва несколько десятков, причём исключительно в столицах (Петербург, Москва). Лишь отдельные, наиболее крупные города, вроде Киева, Харькова, Тифлиса, имели свои небольшие музеи. Теперь почти все столицы наших республик обогатились собственными художественными галереями, и буквально нет ни одного областного города, не имеющего своего музея, где собраны образцы богатств данного края или области, произведения местных мастеров искусства.

Кроме того каждый город, в котором родился или проживал кто-либо из знаменитых писателей, музыкантов, художников, с любовью собирает всё относящееся к его жизни и творчеству и создаёт музей его имени, усердно посещаемый не только местной, но и приезжей публикой. Так, к примеру, музей, посвящённый памяти Чехова, создан не только в Таганроге — родном городе великого русского писателя, — но и

в Ялте, где он провёл последние годы своей жизни. Эта потребность в музеях настолько велика, что процесс их создания не остановился даже теперь, в тяжёлое для народа военное время. То и дело мелькают в прессе заметки об открытии того или иного музея в разных местах нашей страны. Совсем недавно организован литературный филиал государственного музея в Казани. В Мавританском дворце города Хивы Хорезмским областным музеем развёртывается экспозиция новых материалов по истории древнего Хорезма.

* *

*

Война продолжается четвёртый год. Она перенесена теперь на германскую территорию. Теперь немцы реальнее, конкретнее, на собственных спинах испытывают действие войны, хотя, разумеется, вступление союзных армий не несёт германскому населению того разбоя и насилий, которые гитлеровцы учиняли в оккупированных ими странах, особенно в СССР. В наших сёлах и городах шла зверская расправа с мирным населением. Грабила вся немецкая армия — от командующего до солдата; пытали и убивали все немцы — от Гитлера до рядового.

В начале войны советские люди были как бы в нерешительности, не знали, чем и как бороться с ворвавшейся бандой грабителей и убийц. Многих поразило варварское нашествие из «культурной» Европы, никак не увязывавшееся с их представлениями о Европе.

Товарищ Сталин в своём выступлении по радио 3 июля 1941 года указал, что войну с фашистской Германией нельзя считать войной между двумя армиями, и призвал к великой, всенародной войне против фашистских захватчиков. В этом призыве народ обрёл конкретную форму для своей борьбы с врагом, предпочитая лучше умереть с оружием в руках, чем стать навеки рабом в фашистском зверинце. Только тогда зарубежный мир увидел — да и нельзя было не увидеть, — узнал, — да и нельзя было не узнать — силу духа советских людей, их высокое морально-политическое состояние.

И действительно, как не признать героизма нашей армии, как не признать гигантский труд и беззаветную преданность советской родине, которые показал весь наш народ в самые трудные минуты, переживаемые страной!

Наш рабочий класс проявил такую самоотверженность в преодолении трудностей военного времени, столько упорства в приобретении квалификации, столько сознательности и трудовой дисциплины, что вряд ли найдутся подобные примеры в какой-либо другой стране мира. И товарищ Сталин

высоко оценил этот трудовой героизм, заявив: «Подобно тому, как Красная Армия в длительной и тяжёлой борьбе один на один одержала военную победу над фашистскими войсками, труженики советского тыла в своём единоборстве с гитлеровской Германией и её сообщниками одержали экономическую победу над врагом».

Общеизвестно, в каких трудных условиях приходилось налаживать работу заводам, эвакуированным из захваченных врагом территорий. На новых местах, в совершенно необычной обстановке, люди должны были строить фабричные и жилые здания и одновременно налаживать производство. И они выполняли это. Сутками не уходили рабочие с предприятий, когда шла речь о срочном выпуске продукции для фронта.

И при всех этих невероятных трудностях шло и непрерывно идёт новое строительство. Так в отчёте уральцев мы читаем: «даже в мирные годы не знали мы таких темпов строительства... В 1943 году мы построили 10 мартиновских печей, 4 рудника, 2 коксовых батареи, строятся доменные печи, прокатные станы, рудники, электростанции, угольные шахты и разрезы. Построены танкодромы, на сотни километров удлинены железнодорожные пути. За 1943 год построены сотни тысяч квадратных метров жилой площади. В Свердловске — сердце Сталинского Урала — пущен троллейбус, расширен водопровод, завершено строительство кинофабрики художественных фильмов...»

В новогоднем рапорте товарищу Сталину трудящиеся Кузбасса рассказывают о своём труде и успехах в 1943 году — «Доменщики Кузнецкого металлургического комбината достигли в 1943 году наивысшего в стране коэффициента использования полезного объёма доменных печей. Доменный цех Металлургического комбината дал 78 тысяч тонн чугуна сверх государственного плана.

Сталевары Кузнецкого Металлургического комбината дали за 1943 год на 70 тысяч тонн стали больше, чем в предыдущем году. Прокатчики — на 73 тысячи тонн больше проката. Коксовики — на 500 тысяч тонн больше кокса. Металлурги намного подняли выпуск высших сортов стали и проката, в 3,5 раза увеличили выпуск ферросплавов по сравнению с прошлым годом».

Большой героизм проявляют наши рабочие в освобождённых районах, восстанавливая разрушенную немцами промышленность.

Шахтёры Сталинской области в письме товарищу Сталину

рассказали, в каких условиях им приходится налаживать добычу угля:

«Тотчас же после освобождения мы принялись за восстановление разрушенных шахт. Люди шли на эту работу, как в бой. Нередко шахтёров подстерегали опасности. Шахту № 1—2 «Смолянка» треста «Куйбышевуголь» немцы заминировали и, взорвав ствол, наглухо закупорили. Люди, рискуя каждую минуту оказаться под завалом, упорно работали круглые сутки и метр за метром расчищали проход в шахту. Старейшие крепильщики руководили этой самоотверженной работой, воодушевляя горняков своим бесстрашием и отвагой. На третий день доступ в шахту был открыт. Начался новый этап борьбы. Запальщики, пренебрегая опасностью, извлекли из шахт более 300 килограммов заложенного немцами динамита. По пояс в ледяной воде горняки-добровольцы подняли затопленные механизмы.

На шахте имени Кагановича треста «Макеевуголь» немцы подожгли угольный пласт. Бесстрашные шахтёры спустились под землю на борьбу с пожаром. Три дня и три ночи боролись герои с огнём. Пожар был потушен, шахта восстановлена, вступила в строй и даёт уголь на-гора.

На шахте имени Калинина треста «Артёмуголь» молодые слесари в ледяной воде разобрали по частям насос и извлекли его из затопленной шахты.

На шахте № 5—6 имени Димитрова треста «Будённовуголь» рабочие вручную доставили за 15 километров огромнейшие котлы».

И этот восстановительный процесс как в промышленности, так и в сельском хозяйстве идёт во всех освобождённых областях.

Высокое гражданское самосознание проявило и наше колхозное крестьянство. Жизнедеятельного мужского населения в деревне осталось значительно меньше, чем было до войны. Основная тяжесть сельскохозяйственных работ пала на плечи женщин-колхозниц. И они делают великое дело. Четвёртый год колхозы удовлетворительно снабжают Красную Армию, города продовольствием, а промышленность сырьём. Почти нет таких колхозов, которые не считали бы своей моральной обязанностью, сверх установленных государственных поставок, сдавать часть продукции в фонд Красной Армии.

Могут сказать: при чём тут гражданское самосознание, моральная обязанность и т. д.? Нельзя забывать, что в колхозах теперь зачастую не хватает не только механического, но и живого тягла, и справиться во-время с сельскохозяйственными работами, добиться урожая можно только

ценою огромного напряжения сил колхозников, их решимости во что бы то ни стало победить врага. Примеров проявления такой высокой сознательности в труде тысячи.

В колхозе «Пятилетка в четыре года», Коломенского района, Московской области, звено Тамары Крутовой старательно обработало свой участок картофельного поля в 2 гектара, во-время выполнило все работы, но июльская жара грозила гибелью урожаю. Тогда девушки во главе с звеньевой нашли на колхозном дворе старую пожарную машину, отремонтировали её и пустили в дело. В результате звено Крутовой получило с каждого гектара 83 тонны картофеля.

На Ташкентской железной дороге понадобилась срочная расшивка «узкого места»; десятки тысяч колхозников вышли на трассу и за 12—15 дней построили вторые и обводные пути и новые разъезды.

И творческая инициатива, патриотическая активность нашей интеллигенции в дни этой войны приобрели невиданный размах. От Академии наук с её исследовательскими институтами до инженера в цеху, шахте, в геологоразведочной партии — всюду идёт непрерывный творческий труд. Советские учителя, врачи, агрономы, артисты, художники, писатели отдают всё для победы, и результаты их работы по достоинству оценены товарищем Сталиным, который сказал: «Наша интеллигенция смело идёт по пути новаторства в области техники и культуры, успешно развивает дальше современную науку, творчески применяет её достижения в производстве вооружения для Красной Армии. Советская интеллигенция своим созидательным трудом внесла неопределимый вклад в дело разгрома врага».

Велико значение молодёжи, особенно женской, в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в учреждениях. Ей приходится нести основное бремя работы в дни войны. И наша молодёжь, воспитываемая ленинским комсомолом, с честью оправдала доверие партии. Нет такой отрасли промышленности, где бы наши юноши и девушки, организованные в молодёжные бригады, не выполняли своего патриотического долга, повышая производительность труда, высвобождая квалифицированных рабочих для других отраслей промышленности, рационализируя производственные процессы. Для наглядности привожу несколько примеров.

На заводе № 45 НКАП фрезеровщица Орлова предложила вместо ранее употреблявшихся для сверления четырёх кондукторов применять только один, универсальный, позволяющий совместить 4 операции в одну. Время на обработку сократилось в три раза. Токарь Тюрин внёс предложение

перевести протяжку деталей с протяжного станка на токарный. С внедрением его предложения время на обработку сократилось в четыре раза.

Сельская молодежь не отстаёт от своих городских товарищей. К октябрю 1944 года в соревновании молодёжных тракторных бригад принимало участие 20 тысяч бригад, в которых насчитывалось свыше 200 тысяч трактористов, а в молодёжных звеньях высокой урожайности было объединено около 400 тысяч молодых колхозников.

Характерным примером является работа звена Зои Шегеды из Воронежской области, Бутурлиновского района. До войны Зоя училась в школе. Когда началась война и отец Зои ушёл на фронт, она решила работать в колхозе. Вскоре правление назначило Шегеду звеньевой. Звено получило участок в 15 гектаров земли. Всю зиму, весну и лето 1943 года Зоя Шегеда и её подруги упорно работали, учились, применяли передовые агрономические методы, чтобы обеспечить высокий урожай. И осенью 1943 года упорный труд был вознаграждён урожаем, небывалым в этих местах, — 180 пудов проса с каждого гектара.

Напряжённый труд советской молодёжи, наблюдающийся повсюду и ежедневно, говорит о том, что наше молодое поколение в суровое время войны очень выросло в политико-моральном отношении. И в этом немалая заслуга ленинского комсомола, сумевшего привить молодёжи идеи большевистской партии, её традиции, беззаветную любовь к родине, к своему народу.

* *
*

Хотя всё сказанное о рабочих, колхозниках, интеллигенции и молодёжи относится в такой же степени к женщинам, как и к мужчинам, особо хочется отметить выдающуюся роль женщины в этой войне. Пожалуй, нигде в художественной литературе других стран женщина не занимает столь почётное место, как в русской классической литературе. Сколько в нашей литературе и в истории нашей страны имён женщин, показавших высокие образцы морального духа! Но, разумеется, всё предыдущее бледнеет перед великой эпопеей нынешней войны, перед героизмом и жертвенностью советских женщин, проявляющих гражданскую доблесть, выдержку при потере любимых и энтузиазм в борьбе с такой силой и, я бы сказал, величием, каких никогда не наблюдалось в прошлом.

Комсомолка-партизанка Зоя Космодемьянская поднялась на

высшую ступень патриотизма и морального величия. Она как бы впитала в себя все лучшие чувства, выработанные нашим народом в его историческом развитии. Это уже дочь не только русского, но и всего советского народа, дочь ленинского комсомола. Фашизм своей варварской жестокостью хотел унижить советскую женщину, морально сломить её. Но это ему ни в какой мере не удалось. Моральная стойкость Зои и других советских женщин восторжествовала над фашистским зверством.

Конечно, Герой Советского Союза Зоя Космодемьянская — выдающаяся девушка. Но она типична для девушек нашей страны, ибо потенциальная готовность к подвигу жила и живёт в душе большинства советских женщин. Живая жизнь сегодняшнего дня даёт тысячи примеров отваги, преданности и любви к родине, так щедро проявляемых нашими женщинами в дни Отечественной войны. Вот отдельные примеры:

Ольга Тихомирова была разведчицей и медсестрой одного из витебских партизанских отрядов. Бесстрашная девушка не раз рисковала своей жизнью для спасения товарищей. В одном из боёв в Шалбовском лесу был ранен командир группы. Перевязав его, Ольга сама повела партизан в атаку на вражеские блиндажи. Осколком снаряда её оторвало правую руку. Товарищи перевязали рану; Ольга продолжала идти вперёд. Её настиг снаряд, перебивший обе ноги. Она погибла, но до последней минуты ободряла товарищей.

Много ущерба нанесла немцам партизанка-подрывник Вера Лесовая. На её боевом счету три пущенных под откос вражеских эшелона и много взорванных грузовых автомашин. Раненая в ногу, Вера попала в руки немцев. Чтобы добиться от неё сведений о партизанском отряде, немцы зажгли у неё на груди костёр. Однако и эта нечеловеческая пытка не вырвала у Веры ни одного слова. Она погибла, ничего не выдав врагам.

Герой Советского Союза младший лейтенант Мария Степановна Батракова участвовала в обороне Ленинграда и Сталинграда. В августе 1943 года она вместе с ротой автоматчиков добровольно пошла в танковый десант и, когда командир десанта выбыл из строя, повела бойцов в атаку. Немецкие траншеи были взяты. В сентябре 1943 года при форсировании реки Молочной Батракова увлекла потерявших командира бойцов в противотанковую атаку. Под командованием этой отважной девушки советские воины выдержали бой в течение 120 часов и отбили 53 контратаки противника.

Лётчица-истребитель гвардии лейтенант Екатерина Васильевна Буданова обнаружила однажды 12 немецких бомбар-

дивовщи́ков, лете́вших оомбить наш эшелон. Смелая лётчица врезалась в их гу́щу. Растерявшись, немцы сбросили бомбы в степь, но, увидев, что имеют дело только с одним истребителем, перешли в контратаку. Буданова приняла бой, сбила один бомбардировщик, а остальные вынудила убраться во-свосяи. На личном счёту Екатерины Будановой числится 20 сбитых ею немецких машин.

Вся страна знает о том, как мать Олега Кошевого, Елена Николаевна Кошечкина, — прекрасно понимая, что грозит её сыну́ и его товарищам, если они попадутся в своей подпольной работе, — всё-таки укрывала героев-комсомольцев Краснодона, помогала им, чем могла.

На такие вершины морального духа возвела наших женщин жизнь в Советской стране. Вероятно, их славные дела, великие патриотические чувства, проявленные ими в эту Отечественную войну, вдохновят крупных художников пера, резца и кисти, и образы советских героинь будут достойно увековечены в искусстве и литературе.

* *
*

Партизанскую борьбу надо считать проявлением величайшей народной инициативы в обороне родины, в защите свободы своего народа от поработителей.

3 июля 1941 года прозвучал призыв товарища Сталина к партизанской войне. В этом наиболее ясно сказалась связь между советской властью и народом. Товарищ Сталин как народный вождь и Верховный Главнокомандующий всеми вооружёнными силами Союза, как политик, лучше, чем кто-либо, понимал необходимость и значимость такого призыва. Ибо народ, если образно представить его в одном лице, нервно переступал с ноги на ногу, в нерешительности, что же ему делать: как конкретно, практически защищать родину тем, кто не призван в армию? Призыв товарища Сталина дал выход, открыл шлюзы народной страсти, указал способ применения народной энергии в партизанской борьбе.

Народный вождь — какое великое слово! Оно означает не только руководство народом, армией: в нём выражены слитность вождя с народом, общность чувств, общность цели. Вот почему так действенны призывы и директивы товарища Сталина. Наше партизанское движение вылилось во всеобщую народную борьбу, нарастающую с каждым месяцем. Громадную роль сыграла в этом движении наша партия. Коммунисты стали инициаторами и организаторами первых партизанских групп. Большую долю успеха следует отнести

за счёт централизованного и целеустремлённого руководства партизанским движением.

Защищая родину от врагов, наш народ и раньше пользовался методами партизанской борьбы. Известный партизан Денис Давыдов писал на основании опыта 1812 года: «Огромна наша мать Россия! Изобилие средств её дорого уже стоит многим народам, посягавшим на её честь и существование; но не знают ещё они всех слоёв лавы, покоящихся на дне её... Ещё Россия не подымалась во весь исполинский рост свой, и горе её неприятелям, если она когда-нибудь подымется!»

И действительно, никогда в своей многовековой истории партизанское движение не было столь массовым, общенародным и никогда поэтому партизанская борьба не была столь организована и всеобъемлюща, как в этой войне. Очень характерно значительное участие советской интеллигенции в партизанской борьбе. Насколько оно было эффективным, видно хотя бы на примере борьбы партизанского отряда имени братьев Игнатовых из Краснодара на Кубани.

Командир этого отряда П. К. Игнатов (Батя) в своих «Записках партизана» рассказывает, что отряд в основном состоял из технической интеллигенции — в него входили инженеры, директора, экономисты, научные работники. Всё это были люди города, скорее даже, как говорится, «кабинетные» работники. Но в порыве патриотических чувств они променяли удобный и привычный городской быт на несвойственную им трудную, полную невзгод и опасностей жизнь партизан в горах. Все они могли бы эвакуироваться и заниматься оборонной работой на производстве в тылу. Однако в данных условиях они сочли более эффективным использовать свои силы в непосредственной борьбе с ненавистным врагом.

Итоги этой борьбы за полгода поразительны: маленький отряд пустил под откос 155 вагонов со снарядами, с живой силой врага, с его техникой (танками, артиллерией и пр.), взорвал 8 мостов, уничтожил десятки танков, танкеток, тяжёлых орудий, свыше 100 мелких пушек и миномётов, убил около 2 тысяч солдат и офицеров противника, свыше 2500 тяжело ранил. Сами игнатовцы потеряли за это время 5 человек, двое были тяжело ранены.

Итоги этой борьбы, по существу, следовало бы значительно увеличить, если принять во внимание, что при отряде был организован своеобразный «минно-диверсионный вуз», готовивший минёров-диверсантов для соседних партизанских отрядов, которые вели свои собственные счёта нанесённым врагу потерям.

Эффективность действий игнатовского отряда в значительной степени объясняется именно присутствием высококвалифицированных инженеров, техников, рабочих. Это дало возможность не только хорошо организовать самую партизанскую группу, но и планомерно, я бы сказал, научно обоснованно направлять удары против врага. Не только чувства, но и свою высокую квалификацию, знания, разностороннее развитие, ум — всё подчинили игнатовцы делу беззаветного служения родине.

В партизанском движении участвовали все национальности Советского Союза, особенно, по вполне понятным причинам, украинцы и белоруссы. О подвигах партизан уже написаны, пишутся и будут писаться книги. Здесь же мы приведём, как иллюстрацию, только несколько примеров.

Белорусские партизаны отвоёвывали в глубоком тылу врага целые районы, носившие название «Партизанского края», куда немцы не смели и нос сунуть. Партизаны контролировали и другие районы, не давая оккупантам вывозить оттуда зерно и другие продукты. Так было в Барановичской области. Там народные мстители при крушении поездов, из засад и в открытых боях истребили свыше 30 тысяч гитлеровских мерзавцев.

Осенью 1943 года немцы решили расправиться с партизанской бригадой, действовавшей в Любанском районе, Минской области. Несколько немецких дивизий во всеоружии боевой техники, с танками и авиацией, окружили лес, где скрывалась бригада. С нечеловеческими усилиями вырывалась она из окружения. Топким болотом, под непрерывным обстрелом и бомбёжкой, не имея возможности остановиться даже за тем, чтобы подобрать раненых, выводил командир бригады Шашура своих партизан из окружения. Когда тяжело раненый командир упал, партизаны положили его на самодельные носилки и понесли. Нести можно было, только идя во весь рост; один за другим падали носильщики (шестеро из них были убиты), но тотчас же на их место становились новые, и раненый командир вместе со своим отрядом выбрался из окружения.

Формы партизанского движения очень многообразны. Профессор Киевского медицинского института П. М. Буйко с первых же дней войны добровольно ушёл на фронт, попал в плен и бежал оттуда. Горя ненавистью к немецким захватчикам, он пошёл на подпольную работу. Устроившись врачом в районную больницу города Фастова, Буйко организовал лечение раненых бойцов и командиров Красной Армии. Он спас тысячу человек местной молодёжи от угона в Германию,

установил связи с партизанами, переправлял к ним людей. Когда его деятельность была раскрыта, он и сам (в июне 1943 года) ушёл к партизанам. Немцам в конце концов удалось захватить Буйко; они облили его бензином и превратили в горящий факел.

Партизанская борьба, в которой участвовали все национальности СССР, населяющие те территории, куда вступали немцы, ярко продемонстрировала зарубежному миру народность советской власти, всенародную любовь к ней, твёрдую решимость бороться за её сохранение, за независимость Советской страны. Более убедительного доказательства морально-политического единства народов Советского Союза не может быть!

* *
*

Если вообще всякая война — испытание материальных средств государства и его моральных сил, то нынешняя война потребовала от народа действительно небывалого расходования материальных сил и величайшей моральной стойкости. Военные авторитеты также считают моральную стойкость одним из важнейших элементов достижения победы.

В этом отношении интересно мнение генерала М. И. Драгомирова:

«Успех в бою требует весьма большой энергии, упорства и гибкости нравственной стороны в военном человеке; той энергии, которая не допускает сомнения в успехе тогда, когда, повидимому, нет надежды даже и на спасение; того упорства, которое даёт силу не отступаться от предположенной цели; той гибкости, которая в одно мгновение, с изменением обстоятельств, способна изменить средства для достижения предположенной цели» («Учебник тактики». Ч. 1-я, стр. 3).

«Победа будет в руках той армии, в которой солдаты проникнуты решимостью добыть её, хотя бы ценой собственной гибели, ибо тот только может победить, то есть погубить другого, кто сам способен решиться на погибель» («Учебник тактики». Ч. 2-я, стр. 10—11. 1906).

Та же мысль в современном нашем понимании отчеканена в лозунге — презрение к смерти. Но мы не вкладываем в этот лозунг мистической романтики, нервного индивидуального возбуждения, желания красиво умереть. Мы не рассматриваем смерть как самоцель, как нечто само по себе возвышенное, сверхчеловеческое. С нашей точки зрения, смерть — самый тяжёлый для человека удар.

Пожалуй, нигде так не любят жить, как в Советской стране. И вот именно любовь к жизни в Советской стране, с советским народом, когда такой жизни угрожает опасность, когда за её сохранение идёт борьба не на жизнь, а на смерть, заставляет гражданина страны Советов терять боязнь к смерти, её пересиливает стремление человека сохранить жизнь советского народа и тем самым как бы навечно сохранить и свою жизнь. Не случайно коммунист идёт на плаху с гордо поднятой головой и бросает врагам проникнутые глубокой верой слова: «Я умираю, но наше дело живёт и будет жить». В эти минуты человек полностью сливается с коллективом, чьи интересы для него превыше всего, сильнее смерти. Такое сознание делает советского человека неустрашимым бойцом. Вспомним подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев, вступивших в единоборство с десятками фашистских танков; красноармейца Матросова, закрывшего своим телом амбразуру немецкого дзота; Камала Пулатова, при защите подступов к Сталинграду бросившегося со связкой гранат под головной немецкий танк; Туйчи Эрджигитова, закрывшего собой дуло немецкого пулемёта. Что особенно важно — эти подвиги не единичны, в ходе войны они повторялись и повторяются нашими бойцами и офицерами.

Даже в самое тяжёлое время, когда нашей армии приходилось отступать, в её рядах господствовала полная убеждённость в нашей победе. Красноармейцы и командиры уверенно говорили остающемуся населению: «Мы возвратимся, мы придём». И эта убеждённость покоилась не только на материальных предпосылках, а и на моральной стойкости наших людей, на их вере в наше правое дело. Никто не мог допустить и мысли, что в мире может существовать сила, способная отнять у нашего народа советскую власть. И это чувство, владеющее массами, превратилось в материальную силу, которую на Западе воспринимают как чудо. Мы же эту уверенность расценивали как самую верную меру силы советской власти.

Любовь к родине присуща всем народам. Но этого нельзя сказать обо всех армиях. Прославленная бранденбургская армия Фридриха II не любила своего народа, и народ не любил её. Армия и народ были чужды один другому. Эта армия являлась лишь орудием завоевательных планов прусского короля, служила укреплению его власти над подданными.

Фридриховские принципы и методы организации и воспитания армии — дело далёкого прошлого. Но до последнего времени все европейские правительства считали их военным

идеалом и стремились к тому, чтобы их армии походили на фридриховскую. Разумеется, время и развитие внесли свои поправки и значительно ограничили такие вождедения. Тем не менее палочная дисциплина, казарменность, изолированность от внешнего мира, аполитичность, запрещенные читать прогрессивную литературу, одним словом, все меры изоляции армии от народа и народа от армии принимаются и теперь. И впереди всех зарубежных стран в этом отношении идет Германия, где культ палочной бездушной дисциплины процветает и доныне. Там имеется даже тщательно охраняемый от своего народа специальный заповедник (Пруссия) для особой породы людей, единственной целью которых является война.

Как ни старались русские цари перенести прусские военные порядки в русскую армию, это не совсем удавалось. Русские люди созданы из другого теста, чем немцы. Недаром говорит пословица: «Что русскому здорово, то немцу — смерть». Но и русскую армию царское правительство держало подальше от народа. Всё же в ней постоянно имелась прослойка, выделявшая искренних патриотов и талантливых полководцев, которые честно служили родине и, наперекор давлению сверху, улучшали действительно боевые качества армии, поднимая её авторитет на полях сражений.

Советская армия — особая армия, непохожая ни на прежнюю русскую, ни на одну из европейских армий. Её личный состав является подлинно народным. Бойцы и командиры Красной Армии однородны по классу, чего не было в старой царской армии и нет ни в одной из современных армий. Наша армия бесчисленными нитями связана с народом как в быту, так и общественно.

Общественная связь народа с армией проявляется у нас в шефстве, в самодеятельности, в самых различных формах. Партия и её высокие идеи духовно объединяют армию и народ. Наши красноармейцы и командиры не только интересуются жизнью в родных местах, не только мысленно переживают всё, что происходит на родине, но, по мере возможности, участвуют в местных делах и, в подавляющем большинстве случаев, участвуют плодотворно. Армия крепко любит родину и не может не любить, ибо постоянно осязает её как бы своими собственными руками.

Дружба народов покоится у нас на твёрдом фундаменте общности их интересов. Естественно, что она крепко опирается и в армии. Эта дружба, разумеется, непохожа на связь между немецкими солдатами и офицерами, где основой «дружбы» является разбой. Там главарь прославленной

банды, идя на рискованное дело, принимает к себе предводителей более мелких ватаг, но он с презрением смотрит на бандитскую мелкоту. Именно такими отношениями связана была германская армия с армиями сателлитов Германии в момент разбойничьего нападения на СССР. Эта «дружба» безправственна, а тем самым и неустойчива, что великолепно видно на распаде фашистского блока. Да это и не удивительно: ведь сама фашистская расовая теория вкорме отрицает дружбу народов, а на расовой теории основана вся политика Германии.

Истинная дружба народов Советского Союза, взлелеянная в мирное время, ярким пламенем вспыхнула в годы войны и удивила за рубежом не только наших врагов, но и друзей. Эта дружба закалилась в тяжёлых военных испытаниях. Естественно, что она особенно ощущается на фронте, где человек непрерывно подвергается опасности и где поэтому доверие к локтевому товарищу должно быть полным. Фронт является оселком, на котором, в числе многих других чувств человека, испытываются также верность и дружба. Народы Советского Союза это испытание выдержали не только в дружной работе в тылу, но и в поведении своих сыновей на передовых линиях фронта. Да иначе и не могло быть. Наша армия — это братская семья, где помощь товарищу обязательна. Примеры братской выручки можно встретить почти в каждой военной корреспонденции, публикуемой в нашей печати.

В момент боевого затишья дружба скрашивает фронтовую жизнь. Молодой казах читает письмо жены о рождении сына и сообщает с товарищами по отделению серьёзно обсуждает, какое имя дать ребёнку. На фронт приходит письмо сибиряка с описанием колхозной жизни, урожая и т. п. Эти вопросы интересуют всех бойцов, даже в прошлом городских жителей; обязательно завязывается общая беседа. Словом, всегда имеется нескончаемая вереница тем для обсуждения и общения.

В продвижении по службе, в повышении в чинах у нас не играет роли цвет кожи или национальность, а лишь способности и боевые заслуги. И не только формально — так сказать, по закону, — но этому способствует и общественное мнение красноармейцев и офицеров. Отсюда и высокий уровень морали. А выросшая на такой почве личная дружба надолго сохраняется даже у людей, живущих в очень отдалённых друг от друга местах.

В нашу армию глубоко проникла ненависть к врагу. Сами немцы способствовали этому. Пожалуй, во всей армии не

найдётся ни одного подразделения, где бы не было пострадавших от немецкого разбоя: убиты жена, дети или старики-родители, угнана на немецкую каторгу сестра, не говоря о разграбленном имуществе, сожжённых домах.

Теперь, когда Германия всё плотнее охватывается союзными армиями и война перенесена на её территорию, немецкая пропаганда льёт крокодиловы слёзы: мол, война делается всё ожесточённее, не стало в армиях старого рыцарства. Очевидно, эта пропаганда рассчитана на дураков в союзных странах. Мерзавцы, истребившие прямо и косвенно десятки миллионов людей, теперь, когда наступает час возмездия, вспомнили о рыцарстве.

Ненависть к фашистским извергам мы считаем священной. Но вот один американский журналист, отзываясь в общем положительно о книге Эренбурга «Война», заметил, что она теряет свою ценность из-за того, что в ней много ненависти к немцам. Это не случайное мнение. В Америке, как и в Западной Европе, значительный слой людей избегает острых формулировок и не вносит большой страстности в борьбу с фашизмом. Дескать, умеренность более действенна, и вообще ненависть чужда благородным человеческим чувствам. Это, конечно, совершенно не соответствует действительности.

Русскую художественную литературу иностранные критики справедливо считали великой и наиболее гуманной. Так, польский литературовед Александр Брюкнер в предисловии к своей «Истории русской литературы» пишет: «Русская литература — самая молодая литература в мире... Её юность возмещается обилием и своеобразием её творений, её высокой моральной ценностью, её проповедью гуманности и альтруизма, остротой и пронизательностью её анализов человеческой души и жизненных наблюдений, её откровенностью и правдолюбием, её демократическим духом. Она импонирует той значимостью, которую она завоевала в собственной стране, в чём она далеко превосходит другие литературы мира... Она стала кафедрой, с которой звучало слово в защиту добра, красоты, свободы, гуманности; она стала единственным выражением общественной совести...»

Но в нашей литературе, у наших лучших художников слова, ненависть к злу проходит яркой чертой, — как самое благородное чувство и одно из самых активных средств борьбы с врагами человечества.

Очень хорошо описал ненависть к немцам Горбатов в повести «Непокорённые». Старик Тарас не может и думать, чтобы немцы, причинившие столько зла людям, остались безнаказанными. Он делает всё, что в его силах, чтобы

отомстить врагам. Когда немцы уходят из города, он бежит по улице, барабаня палкой в ставни и крича:

«— Эй, выходи, народ! Эй, немцы уходят! Не дадим же им уйти! Эй, выходи, мужчины!

Подле него уже собирались люди.

— Та нехай уходят! — крикнул кто-то из толпы.— Мы ж их не звали! Ну и чорт с ними, и слава богу!

— Чего ты хочешь, Тарас?

— Не дадим уйти немцам! — кричал он.— Перебьём их тут!

— Без нас перебьют, Тарас!.. Мы ж не военные люди. Нас это не касается.

— Как не касается? — заревел Тарас.— Как это нас не касается? А кого ж? Немцы целые уйдут — вновь заявятся нас топтать, детей наших вешать. Не дадим немцу уйти! В землю их! В землю!

Он побежал, размахивая палкой, в город, Лёнька рядом с ним. Отовсюду уже бежали рабочие, многие с оружием, бог весть откуда попавшим к ним...

— Эх, жаль, ружья нет! — горестно крикнул Тарас на бегу.— Эх, ружья, жаль, нету, Лёнька!..

И он поднял над головой свою суковатую стариковскую палку. Был он страшен сейчас, грозен с этой палкой в руках, седой, без шапки, озарённый пламенем горящего города...»

Мы указали на истоки, откуда идёт развитие советской морали. Эти истоки уходят далеко в глубь нашей истории; задача их выявления падает на исследователей духовного развития русского народа, как и других народов, населяющих Советский Союз. Мы остановились на очень ограниченном числе деятелей, способствовавших развитию и внедрению лучших моральных свойств в русское общество. Моральные чувства людей, само собой понятно, гораздо полнее, разнообразнее. Например мы не говорили о том, как возросла в советское время любовь родителей к детям, о возросшей самодетельности и независимости женщины и т. д. и т. п. Мы иллюстрируем преимущественно политико-моральные свойства народа, стремясь показать те чувства, которые способствуют борьбе с врагом.

Наша мораль, как я уже говорил, развивалась и проповедывалась лучшими людьми народа. За это надо воздать должное русской прогрессивной интеллигенции, русской литературе, искусству, которые сотни лет беззаветно боролись с тёмными силами царизма, с жестокостью эксплуататоров, с народным невежеством. Русская литература облагородила человека, заставила весь мир признать его высокую мораль.

ность, которая особенно поднялась и проникла в народную толщу при советском строе. Советский социалистический строй явился основой развития нашей коммунистической морали. Да иначе и не могло быть. Советское правительство, партия Ленина—Сталина имеют единую цель — благо народа — и все свои действия направляют к этой, действительно высоко моральной цели.

Товарищ Сталин всеми своими делами подтверждает сказанные им слова, что за дело народа он отдаст каплю за каплей свою кровь. Разве это не высшая степень человеческой морали? Мораль нашей партии, партии Ленина—Сталина, есть и мораль нашего народа. Она даёт советскому государству силу огромной сопротивляемости агрессорам; она воодушевляет тружеников на заводах и полях; она делает геройство на фронте массовым; она один из важнейших элементов победы.

Подписано к печати 15 февраля 1945 г. А12255. Объем 2 п. л. Тираж 100000 экз.
Заказ № 768. Цена 40 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК
РСФСР, Москва, Краснопролетарская, 16.

56

DL 53 P.

60 нон.